

Г. Кертман

“Кандидат против всех”: эпитафия

Позиция “против всех”: динамика популярности

Как известно, практика голосования “против всех” представляла собой одну из наиболее оригинальных и вместе с тем спорных особенностей отечественной избирательной системы. Ни в российском “политическом классе”, ни в среде экспертов не было единства относительно целесообразности присутствия соответствующей графы в избирательном бюллетене. И всякий раз, когда на тех или иных выборах доля избирателей, проголосовавших “против всех”, оказывалась непривычно высокой, в СМИ появлялись алармистские прогнозы о предстоящем параличе избирательной системы и нередко раздавались голоса в пользу ликвидации этой графы.

Сейчас она ликвидирована, и ближайшие избирательные кампании покажут, как устранение “кандидата против всех”, неизменно “участвовавшего” во всех выборах на протяжении 13 лет, повлияет на явку и политические предпочтения избирателей. Пока же попытаемся выяснить, насколько дорожили россияне самой возможностью отдать свои голоса за этого “кандидата”, как интерпретировалась и расценивалась ими такая модель электорального поведения и каких последствий они ожидают от устранения позиции “против всех”.

Прежде всего обратим внимание на тот факт, что в последние годы практика голосования “против всех” стремительно входила в моду: если в октябре 2004 года лишь 14% респондентов заявили, что им когда-либо доводилось на выборах отдавать свой голос против всех кандидатов или партий, то в ноябре 2005 года – 23%, а в июне 2006 года – уже 31%¹.

Соответственно доля утверждающих, что они никогда не распоряжались своим голосом подобным образом, менее чем за два года сократилась с 81 до 62% (затрудняющихся с ответом на этот вопрос немного). Совершенно очевидно, впрочем, что в действительности число избирателей, имеющих такой электоральный опыт, росло далеко не столь высокими темпами – хотя оно, безусловно, несколько увеличилось: если бы приведенные показатели адекватно отражали перемены в электоральной практике россиян, это означало бы, что за 20 месяцев (октябрь 2004 – июнь 2006 года) каждый шестой взрослый гражданин

¹ Здесь и далее в статье приводятся данные общероссийских опросов населения от 30–31 октября 2004 года, 19–20 ноября 2005 года и 17–18 июня 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

нашей страны (17%) впервые проголосовал “против всех” – что абсолютно не-реально².

По-видимому, стремительный рост доли респондентов, заявляющих, что им доводилось голосовать подобным образом, отражает прежде всего изменения в восприятии данной модели электорального поведения: последняя становится в глазах россиян все более приемлемой, легитимной, и поэтому избиратели, когда-либо голосовавшие “против всех”, сейчас гораздо охотнее признаются в этом, чем еще год-два назад. В пользу этого предположения говорит и тенденция к росту числа *допускающих* для себя возможность проголосовать на каких-либо выборах против всех кандидатов или партий (вопрос этот задавался респондентам тогда, когда такая возможность еще существовала): с 37% в октябре 2004 года до 52% – в ноябре 2005 года. При этом доля *исключающих* для себя такую возможность сократилась за это время не слишком ощутимо – с 44 до 40%, – зато резко (с 18 до 8%) снизилась доля затрудняющихся с ответом. Можно, пожалуй, предположить, что некоторые из числа затруднявшихся с ним в 2004 году колебались потому, что усматривали в подобном электоральном выборе нечто предосудительное, тогда как год спустя сомнения таких избирателей развеялись.

Большинство россиян, добавим, убеждены, что в случае, если избиратель не хочет голосовать ни за одного из участвующих в выборах кандидатов (или ни за одну из партий), ему следует скорее явиться на избирательный участок и проголосовать против всех, нежели проигнорировать выборы. Причем если осенью 2004 года такую точку зрения разделяли 52% опрошенных, то год спустя – уже 58% (доля сторонников противоположной точки зрения – в подобной ситуации лучше вообще не ходить на выборы – за это время снизилась с 29 до 22%).

В свете сказанного неудивительно, что большинство (54%) участников последнего из рассматриваемых здесь опросов (проведенного в июне 2006 года) высказались за то, чтобы графа “против всех” присутствовала в избирательных бюллетенях. Противоположное мнение вдвое менее популярно (28%). Естественно, сторонники первой точки зрения безоговорочно преобладают среди тех, кто когда-либо ставил отметку в этой графе (83% против 11%, полагающих, что она не нужна); но и респонденты, никогда не голосовавшие подобным образом, чаще высказываются за данную графу, чем против нее (42 и 39%).

Стоит подчеркнуть, что особенно решительно выступают за сохранение спорной позиции представители относительно “ресурсных” социально-демографических групп: молодежь и люди среднего возраста – по 61% (среди относительно пожилых – 38%); обладатели высшего и среднего специального

² Чтобы удостовериться в этом, точные расчеты не нужны. В самом деле, общенациональных выборов в стране за это время не было. Выборы в региональные законодательные собрания прошли в меньшинстве регионов. Доля голосовавших “против всех” на этих выборах составляла, за редкими исключениями, от 8 до 12% от числа принявших участие в голосовании – то есть 3–4% от числа *потенциальных избирателей в соответствующих регионах* (явка, как правило, варьировалась в интервале 30–40%). Но и среди этих избирателей многие (если не большинство), надо полагать, распорядились своими голосами подобным образом не впервые... Так что число избирателей, именно в этот период *в первый раз* проголосовавших “против всех”, при самых “щедрых” допущениях – и даже с учетом проходивших кое-где выборов муниципального уровня – никак не могло составить более 2–3% совершеннолетних граждан России.

образования – также по 61% (среди окончивших только среднюю школу – 53%, а среди не имеющих среднего образования – 33%); респонденты с доходом на члена семьи свыше 3000 рублей – 60% (среди тех, чей доход ниже 2000 рублей, – 44%). Следовательно, графа “против всех” чаще представляет ценность не для “аутсайдеров”, а для тех, кто сравнительно прочно стоит на ногах.

Но в чем, собственно, состоит ценность этой графы для избирателей?

Легитимация голосования “против всех” – две версии

В массовом сознании сосуществуют и конкурируют два принципиально различающихся варианта легитимации голосования “против всех”. Согласно одному из них, такое голосование оправданно применительно к конкретным электоральным ситуациям – когда избиратель не считает возможным отдать свой голос ни одному из претендентов на него. Согласно другому – оно оправданно совершенно безотносительно к конкретным электоральным ситуациям: как выражение протеста против условий жизни в стране и действий правящей элиты.

Проиллюстрируем различие между этими вариантами двумя репликами участниц новосибирской фокус-группы³, отвечавших на вопрос модератора о том, какие избиратели чаще голосуют “против всех”, – информированные или неинформированные.

“Кто лучше осведомлен в политике. И знает уже, и понимает, что действительно здесь выбрать не из кого. И уже в этом случае – ставит «против всех»”.

“Я вот могу про себя сказать. Я всегда голосую против всех. Всегда, да. Я в политике совершенно не разбираюсь. Я туда даже и нос не сую, потому что я знаю, что кроме меня мне никто ничего не сделает. Хоть заобещайтесь там. Это бесполезно. Кроме моего голоса, у меня ничего нету. И я кому-то его отдам, и тот будет чай с плюшками пить – а я без плюшек? Ну нет!” (ДФГ, Новосибирск).

Это различие отчетливо проявляется, в частности, в ответах респондентов, заявивших в октябре 2004 года, что они в принципе допускают для себя возможность проголосовать “против всех” (таковых тогда, напомним, оказалось среди участников опроса 37%), на вопрос о том, почему они занимают такую позицию.

Примерно половина ответивших на этот открытый вопрос – 16% от всех опрошенных – заявили, что могут проголосовать “против всех” в случае, если среди претендентов на выборную должность не окажется, на их взгляд, приемлемых кандидатов.

“Бывает, что выбрать не из кого”; “когда нет достойных людей среди предлагаемых кандидатов”; “кого-то не знаю, кого-то знаю с плохой стороны”; “если не увижу достойного кандидата”; “смотря какие кандидаты – может, ни один не подойдет”; “если никто мне не будет импонировать”; “если я людей знаю, то чем мерзость – то лучше ничего” (открытый вопрос).

В последние годы голосование “против всех” становилось в глазах россиян все более приемлемой, легитимной моделью электорального поведения

³ Дискуссионные фокус-группы на тему о голосовании “против всех” проходили 13 июня 2006 года в Москве, Новосибирске и Самаре.

Еще 3% опрошенных, демонстрируя, по существу, сходную позицию, связывали возможность голосовать «против всех» с недостаточной осведомленностью и со сложностью выбора.

«Если не будет достоверной информации о депутатах»; «когда не буду знать, за кого голосовать»; «бывает, что затрудняюсь в выборе или не вижу достойного кандидата»; «может, не будет хватать информации о кандидате» (открытый вопрос).

Очевидно, что в принципе эти респонденты ориентированы на иной электоральный выбор: они идут на избирательные участки для того, чтобы отдать свои голоса за наиболее достойных, по их мнению, кандидатов. Голосование «против всех» рассматривается ими как запасной и – при определенных обстоятельствах – вынужденный вариант электорального поведения.

Для других же респондентов перечень участников тех или иных выборов, внесенных в избирательный бюллетень, изначально не представляет ни малейшего интереса: в логику их электорального поведения сопоставление достоинств и недостатков кандидатов или партий никоим образом не вписывается. Голосуя «против всех», эти респонденты высказываются не против конкретных претендентов на их голоса, а против «политического класса» в целом. Некоторые из них (6% от всех опрошенных) обосновывают такой электоральный выбор пороками отечественных политиков и своим тотальным недоверием к ним.

«Все обещают – и почти ничего не делают, только все для себя»; «никому нельзя верить, власть портит»; «надоело, одно словоблудие кандидатов»; «ранее выбранные нами не оправдали наше доверие»; «сейчас многие рвутся к власти, но для людей ничего не делают»; «не верю никому»; «депутаты преследуют одну цель – вначале деньги, а потом народ»; «разочаровалась во всех, никому не верю»; «толку нет ни от кого» (открытый вопрос).

Немало и тех, кто вообще не упоминает в этом контексте о политиках. Для них (5% респондентов) голосование «против всех» – способ заявить власти, что их не устраивает положение дел в стране или в регионе.

«Из чувства протеста, что жизнь не меняется к лучшему»; «выборы пока еще для людей ничего не дали, нет улучшения жизни»; «я так протестую»; «из-за плохой экономической ситуации в области, чтобы обратили внимание на нашу область»; «попротестовать»; «протестую против низкого жизненного уровня, инфляции»; «хочу выразить свой протест, недовольна обстановкой в области»; «протест против свинской жизни» (открытый вопрос).

Очевидно, что эти избиратели, равно как и процитированные чуть выше обличители нравов российских политиков, ни в коей мере не склонны рассматривать свое участие в выборах как действие, напрямую влияющее на формирование властных институтов. А некоторые респонденты (1%) именно уверенностью в том, что их голоса ничего не решают, и объясняют свою готовность голосовать «против всех», так прямо и заявляя.

«От моего голоса ничего не зависит»; «за меня и так решат, кто будет у власти»; «правды нет, кого захотят – выберут»; «ничему не верю, нас ни о чем не спрашивают» (открытый вопрос).

Графа «против всех» чаще представляет ценность не для «аутсайдеров», а для тех, кто сравнительно прочно стоит на ногах

Итак, перед нами – две группы избирателей. И те, и другие допускают для себя возможность проголосовать “против всех”, но даже само это словосочетание имеет для них различный смысл. Для одних: против всех этих, конкретных партий или кандидатов, здесь и сейчас представленных в избирательном бюллетене. Для других: *против всех*, пребывающих у власти или претендующих на прохождение во властные структуры.

По существу, эти интерпретации голосования “против всех” принадлежат совершенно различным, в известном смысле противоположным политическим дискурсам. В первом случае мы имеем дело с дискурсом взыскательного избирателя, слишком дорожающего своим голосом, чтобы отдавать его кому ни попадя. Во втором – с дискурсом участника политического процесса, который избирателем, строго говоря, вообще не является, поскольку отвергает саму возможность отдать свой голос кому бы то ни было – по крайней мере до тех пор, пока он недоволен властями и положением дел в стране.

В пределах этого, второго дискурса, глубоко укорененного в отечественной политической культуре, власть предстает самодовлеющим монолитом, несущим исключительно моральную ответственность перед народом, но практически не зависящим от последнего. Именно бинарная оппозиция “власть – народ” (“они – мы”) оказывается здесь универсальной интерпретационной схемой, определяющей восприятие любых политических событий, процессов и институтов; в частности – института выборов. Причем идею народного суверенитета, формирования власти волеизъявлением граждан этот дискурс, органически связанный с социальным и политическим инфантилизмом, категорически отторгает.

Разумеется, людям, воспринимающим политическую реальность в данном ракурсе, известно, что в выборах участвуют различные партии и кандидаты – как входящие в структуры власти, так и только претендующие на вхождение в них; как принадлежащие к “партии власти” (в самом широком смысле), так и оппонировавшие ей. Но это обстоятельство ими, как явствует из процитированных выше реплик, игнорируется: в рамках упомянутой бинарной оппозиции все партии и кандидаты, независимо от их позиций и статусов, оказываются на одном “полюсе” – они принадлежат миру “власти”, будучи равно далеки от “народа” и равно ответственны перед ним за положение дел в стране или регионе. Соответственно различия между ними представляются, опять-таки в рамках этой бинарной оппозиции, непринципиальными для рядовых представителей другого “полюса”, явившихся на избирательный участок. Выборы здесь интерпретируются не как механизм формирования властных структур избирателями, а как специфический канал связи, позволяющий народу сообщить власти о своем отношении к ней. И голосование “против всех” в этом контексте обретает ценность как способ пожуричь власть и призвать ее пересмотреть свое отношение к народу.

Такая логика совершенно отчетливо просматривается, например, в реплике участницы фокус-группы, утверждающей, что “против всех” обычно голосуют социально активные и интересующиеся политикой граждане, и обосновывающей свое мнение следующим образом.

“Потому что, действительно, идет тот человек, который заинтересован. Чтобы показать власти, что он против всех, чтобы они задумались там, наверно, как с народом дружить и жить” (ДФГ, Новосибирск).

Тот же мотив слышен в комментарии участника другой групповой дискуссии по поводу упразднения графы “против всех”.

“Это еще один барьер между властью и народом, я считаю так. Вместо того, чтобы как-то сблизить – делается все наоборот” (ДФГ, Самара).

Иначе говоря, голосование “против всех” сближает власть с народом, сигнализирующим ей таким электоральным выбором о недовольстве ее деятельностью; в ответ она, предполагается, должна устыдиться и сделать выводы – изыскать способы улучшить жизнь подведомственного населения.

Отметим между прочим, что если “избиратель”, следующий подобной логике восприятия политики, когда-либо сочтет, что жизнь некоторым образом налаживается, то он, скорее всего, проголосует за те политические силы, которые в тот момент будут находиться у власти. Ведь эта логика, исключая дифференцированный подход к претендентам на выборные должности, превращает любые выборы, по существу, в плебисцит о доверии власти и предполагает лишь две электоральные позиции: за или против. Но именно поэтому упразднение одной из этих двух принципиально допустимых для такого “избирателя” позиций – графы “против всех” – воспринимается им сегодня как упразднение выбора как такового. И вызывает, естественно, крайнее возмущение.

“Я категорически против, потому что я всегда голосовала против всех. Мою позицию перечеркнули” (ДФГ, Новосибирск).

“Что может избиратель? Один раз если на президентские выборы прийти на избирательный участок. И поэтому эта позиция, которая для таких вот людей, которые, будем так говорить, разочарованы уже в наших и властях, и выборах, дала возможность просто озвучить свою точку зрения” (ДФГ, Самара).

Причем голосование “против всех”, трактуемое подобным образом – не ситуационный выбор, а послание, адресованное властям, – рассматривается многими как весьма ответственное политическое поведение и даже как проявление гражданских добродетелей. Вот, например, как характеризуют такой электоральный выбор и делающих его избирателей участники фокус-групп.

“Развито чувство гражданского долга. Это патриоты” (ДФГ, Москва).

“Представьте, человек поперся на избирательный участок. Значит, осознанно. Иначе спал бы, да и все. Или на Волгу пошел” (ДФГ, Самара).

“То есть они пошли как бы вот, специально дошли до избирательного пункта...” (ДФГ, Москва).

“Это и есть наш выбор. Тех кандидатов, которых нам предлагают, мы отвергаем, они нам не нужны. Вот это и есть – против всех. Это самый натуральный долг и голосование. Не ставит птичку, где попадет... а против всех: не нужны нам эти депутаты. Вот и все” (ДФГ, Новосибирск).

Иначе говоря, демонстративный отказ от участия в формировании властных структур интерпретируется как исполнение гражданского долга именно в силу своей демонстративности – в отличие от аналогичного по политическим последствиям неучастия в выборах, равно как и от бездумного голосования за первого попавшегося кандидата. Более того, такое электоральное поведение квалифицируется как исполнение гражданского долга и по контрасту с поведением избирателя, остановившего свой выбор на той же графе избирательного бюл-

летения, но по иной причине – из-за недостаточной осведомленности о претендентах на его голос.

“Кто идет уже намеренно, намеренно уже – знает, что от власти нечего ждать, и уже намеренно идет исполнить свой гражданский долг, чтобы поставить птичку «против всех». Многие, скорей всего, вот так. А вторые идут – уже им бюллетень подают, они смотрят на него, ну и не знают – ни того, ни другого, ни третьего. И ставят «против всех»” (ДФГ, Новосибирск).

Обратим внимание: в описанной здесь ситуации “достойный” гражданин отличается от “недостойного” отнюдь не большей информированностью относительно партий или кандидатов, перечисленных в бюллетене. Его превосходство определяется иным знанием: ему доподлинно известно, что “от власти нечего ждать”. Поэтому он изначально – совершенно независимо от того, кто участвует в избирательной кампании и какие копыя там ломаются, – понимает, в чем именно состоит его гражданский долг, и в день выборов может со спокойной совестью прошествовать в кабину для голосования мимо второго избирателя, растерянно пялящегося в бюллетень.

Любопытно, что избиратель, голосующий “против всех”, может удостоиться похвалы за гражданскую ответственность даже в том случае, когда его электоральный выбор обусловлен не глобальными претензиями к власти, а бытовыми неурядицами.

“Бывают такие ситуации, когда что-то не решается там у людей, бытовые проблемы. Выборы. И они говорят, бабушки вот эти, пенсионерки, говорят: “Вот я пойду на выборы и я проголосую против всех”. То есть осознанная позиция гражданская” (ДФГ, Самара).

Такая интерпретация понятий “гражданский долг”, “гражданская позиция” органична исключительно в контексте “плебисцитарного” понимания выборов. Вне этого контекста она выглядит совершенно абсурдной.

Но, как мы говорили выше, наряду с данным вариантом легитимации голосования “против всех” есть и иной вариант, соответствующий дискурсу взыскательного избирателя.

Голосование “против всех”: мотивации и электоральная практика

Поскольку практика голосования “против всех” основывалась на двух принципиально различных мотивациях, для понимания ее природы в целом было бы неплохо выяснить, насколько распространена была каждая из этих мотиваций. Точный расчет здесь, впрочем, едва ли возможен. Попытаемся порассуждать на эту тему, приняв в качестве отправной точки распределение ответов на упомянутый выше открытый вопрос. Напомним, в 2004 году 37% опрошенных заявили, что допускают для себя возможность проголосовать “против всех”, и их спросили, почему они это допускают. Если сгруппировать полученные ответы, то обнаруживается, что 19% респондентов так или иначе связывают возможность распорядиться своими голосами подобным образом с отсутствием на тех или иных выборах кандидатов, которые бы их устроили, либо с дефицитом информации, позволяющей сделать взвешенный выбор, тогда как 12% – с неприятием российских политиков в целом и недовольством условиями жизни.

Демонстративный отказ от участия в формировании властных структур, выражаемый посредством голосования “против всех”, интерпретируется многими как исполнение гражданского долга – в отличие от аналогичного по политическим последствиям неучастия в выборах

Использование клише “протестное голосование” для обозначения практики голосования “против всех” некорректно, поскольку голосующие таким образом и голосующие в соответствии с протестной мотивацией – это пересекающиеся, но не совпадающие множества

За точность этих данных поручиться трудно, поскольку далеко не все ответы можно однозначно идентифицировать как легитимирующие ту или иную позицию. Когда, например, респондент заявляет: “нет достойных” или “веры нет никому из них”, – мы не можем с уверенностью сказать, что именно он име-

ет в виду. Возможно – что он проголосует “против всех” лишь в том случае, если не обнаружит среди участников конкретных выборов достойных, по его мнению, кандидатов или если никто из участников не вызовет у него доверия. А возможно – что он априори не считает никого из потенциальных участников каких-либо выборов достойным и никому из них столь же безусловно не верит. Подобные амбивалентные ответы встречаются довольно часто.

Существенно и то, что в ходе опроса, проведенного годом позже, доля допускающих возможность проголосовать “против всех” составила уже 52% (увеличившись более чем на треть), и мы не знаем, изменилось ли среди них – и если изменилось, то как именно – соотношение между разборчивыми избирателями, не желающими “зарекаться” от такого электорального выбора, и убежденными приверженцами “кандидата против всех”:

повторно открытый вопрос не задавался.

Но и применительно к ситуации 2004 года было бы рискованно утверждать, что в практике голосования “против всех” мотив, связанный со сложностями принятия электорального решения, более значим, нежели мотив “протестный”. Дело в том, что вероятность соответствующего электорального выбора у респондентов, излагающих эти мотивы – в ответ, повторим, на вопрос о том, допускают ли они принципиальную возможность проголосовать “против всех”, – совершенно различна. В самом деле, если респондент рассматривает такое голосование как “запасной” и нежелательный вариант электорального поведения, возможный лишь при полном отсутствии среди кандидатов сколько-нибудь приемлемых фигур, то шансы, что ему не придется обращаться к графе “против всех”, достаточно высоки. Когда же респондент говорит, что может обратиться к ней в порядке протеста против всех политиков, властей и условий существования в России, то, скорее всего, он именно так и поступит – если, конечно, доберется до избирательного участка.

Учитывая это обстоятельство, можно предположить, что на практике граждан, голосующих “против всех” для того, чтобы выразить власти свое недовольство, по крайней мере не меньше, чем избирающих такой вариант голосования ситуационно, из-за неприятия конкретных кандидатур. Этот сюжет, надо сказать, довольно оживленно обсуждался на фокус-группах, и в целом возобладало мнение, что ни одна из мотиваций не является доминирующей, что их “вклады” в совокупное голосование “против всех” во всяком случае сопоставимы. Скорее всего, так оно и есть.

В связи с этим стоит отметить, что общепринятое использование клише “протестное голосование” для обозначения практики голосования “против всех” некорректно, поскольку голосующие таким образом и голосующие в соответствии с протестной мотивацией – это пересекающиеся, но не совпадающие множества. С одной стороны, как мы только что убедились, граждане, склонные ино-

гда отмечать в бюллетене соответствующую графу, зачастую следуют логике электорального поведения, обозначенной здесь как дискурс взыскательного избирателя, – весьма далекой от протестной мотивации. С другой же стороны, эта мотивация, как известно, нередко реализуется в голосовании не “против всех”, а за политиков, всерьез оппонировавших властям⁴ либо идущих на выборы в ауре эпатажа, скандала, маргинальности. Причем как способ реализации протестных интенций голосование “против всех” значительно менее действенно, нежели электоральная поддержка каких-либо оппозиционных сил. Ведь представляя собой декорированный под акцию политического волеизъявления отказ от участия в формировании властных структур, такое голосование – как бы оно субъективно ни интерпретировалось избирателем – на практике способствует сохранению статус-кво.

Когда голосование “против всех” отождествляется с “протестным голосованием”, гражданам фактически внушается мысль о том, что “естественным” поведением для человека, недовольного властями, являются не поиск наиболее адекватных альтернатив в существующем политическом спектре (что требует определенной рефлексии) либо иные, более активные формы политического участия, а институционализированный “бунт на коленях”. И тем самым – стимулируется политический инфантилизм.

Означает ли сказанное, что и сама графа “против всех” провоцировала безответственное политическое поведение и поэтому способствовала профанации выборов? В общем-то – да, означает. Но, как мы видели, эта графа представляла ценность для двух категорий избирателей: с одной стороны, для самых инфантильных, с другой – для самых зрелых, наиболее ответственно относящихся к своему политическому выбору. И вот эта амбивалентность практики голосования “против всех” не позволяет однозначно оценить роль соответствующей позиции избирательного бюллетеня. Показательно, что аргументы в ее защиту на фокус-группах выдвигали не только респонденты, изначально руководствующиеся “плебисцитарной” логикой восприятия выборов, но и те, кто считает, что выборы в России постепенно обретают “плебисцитарные” очертания, что выходящие на них – или допускаемые к участию в них – политические силы настолько схожи, что реального выбора у избирателя не остается.

“Нет, но сейчас выборы превращаются в выборы без выбора, вот в последнее время. Никакого выбора нет абсолютно. Есть партия власти, есть, как говорится, репейник к ней (“репейником” этот респондент называет ЛДПР. – Г.К.). Есть там пара таких, можно сказать, камуфляжных кандидатов, а вот настоящей оппозиции нет. А без этого нет никакой демократии” (ДФГ, Москва).

Независимо от того, прав или неправ этот респондент в оценке сложившейся ситуации, нельзя не признать, что его довод в пользу графы “против всех” принадлежит дискурсу взыскательного избирателя.

Можно, кстати, предположить, что тенденция к росту популярности этой графы в последние годы частично обусловлена именно снижением альтернатив-

⁴ Достаточно вспомнить выборы перестроечной эпохи, когда графы “против всех” еще не существовало: выборы народных депутатов в 1989 году и первого президента России – в 1991 году.

ности выборов (и политического процесса в целом), способствующим актуализации в массовом сознании бинарной оппозиции “власть – народ”. Впрочем, само это снижение альтернативности, в свою очередь, во многом обусловлено политическим поведением избирателей, изначально руководствующихся такой оппозицией. Но анализ подобных причинно-следственных связей увел бы нас слишком далеко от рассматриваемой темы.

Возможные последствия устранения “кандидата против всех”

Участников массового опроса (июнь 2006 года) попросили высказать свои соображения по поводу положительных и отрицательных последствий, к которым может привести отмена графы “против всех” (вопросы задавались в открытой форме). Те или иные *позитивные* последствия изъятия данной графы смогли назвать 26% опрошенных.

Чаще всего респонденты говорили, что в этом случае избирателям придется определяться, голосовать за реальных кандидатов или партии.

“Люди вынуждены будут сделать свой выбор”; “заставит принять определенное решение”; “пришел на выборы – так выбирай”; “многие будут вынуждены определяться”; “люди не будут переключать свою ответственность за выбор”; “выберут кандидата натурального, а не виртуального” (открытый вопрос; 10%).

Довольно многие выражали надежду на то, что устранение такой графы побудит избирателей серьезнее, ответственнее относиться к голосованию.

“Избиратели будут более серьезно относиться к процессу выборов”; “люди будут больше думать”; “народ будет больше интересоваться политической жизнью”; “люди будут более ответственно подходить к выборам”; “тщательнее будут выбирать”; “народ будет внимательно читать программы кандидатов и вдумчиво голосовать станет” (открытый вопрос; 7%).

Кстати, в этом же ключе высказывались и некоторые участники фокус-групп – они “обещали” теперь внимательнее следить за ходом избирательных кампаний и более вдумчиво подходить к своему электоральному выбору.

Относительно часто респонденты говорили также о том, что упразднение графы “против всех” позволит избежать повторных выборов и, соответственно, сэкономить бюджетные средства.

“Эта графа срывает часто выборы”; “выберут кого-то – не будет затрат на повторные выборы”; “больше шансов, что выборы состоятся”; “уменьшение затрат бюджета на повторные выборы” (открытый вопрос; 6%).

Отрицательные последствия упразднения графы “против всех” взяли предсказать 38% участников опроса.

Чаще всего говорилось, что это приведет к снижению явки на выборы.

“Меньше избирателей придут на выборы”; “упадет процент голосующих”; “снижится явка”; “никто не пойдет голосовать”; “люди перестанут вообще ходить на выборы” (открытый вопрос; 15%).

Многие заявляли, что такое изменение избирательного законодательства нарушает права избирателей, лишает их возможности выразить свое мнение.

“Нас лишают права выбора”; “человека лишат права высказать свое мнение”; “человек имеет право голосовать так, как считает нужным”;

“не будет свободного волеизъявления”; “ущемление прав избирателей”; “сужение выбора, возникновение полицейского государства” (открытый вопрос; 10%).

Близка к этой и позиция тех респондентов, которые утверждали, что мнение части избирателей не будет услышано.

“Нельзя будет народу выразить свою позицию”; “избиратели не смогут выразить протест”; “будет негде ставить галочку”; “убрали индикатор общественного мнения” (открытый вопрос; 6%).

Причем в некоторых развернутых высказываниях такого рода “плебисцитарное” понимание выборов выражено с предельной четкостью.

“Эта графа дает возможность народу выразить свое несогласие с политической партии”; “у людей не будет возможности выразить свою волю, не смогут заставить повернуться депутатов лицом к народу, чтобы думали о народе” (открытый вопрос).

По мнению части респондентов, избиратели станут голосовать бездумно, за первых попавшихся кандидатов.

“Люди будут голосовать наобум, лишь бы поставить галочку”; “будут голосовать методом тыка”; “будут ставить наугад”; “люди будут голосовать абы как, не думая” (открытый вопрос; 4%).

Кое-кто полагает, что отмена графы “против всех” приведет к массовой порче избирательных бюллетеней.

“Избиратели будут писать все что угодно на бюллетенях”; “будет много испорченных бюллетеней, все перечеркивать будут”; “все вычеркнут или порвут” (открытый вопрос; 2%).

Отметим, что на фокус-группах последняя идея пользовалась немалой популярностью. Участники дискуссий давали волю фантазии, изобретая самые различные методы демонстрации позиции “против всех” в отсутствие соответствующей графы: “обещали” рисовать чертиков, жечь бюллетени на избирательных участках, наносить на бюллетени упраздненную графу посредством специальных штампов и т. д.

Участники опроса склоняются к мнению, что отмена данной графы принесет больше отрицательных последствий, чем положительных. Так считают 36% респондентов, тогда как противоположной точки зрения придерживаются 26%. И очень многие – 38% – затрудняются с прогнозом.

Но вот что любопытно: перевес сторонников графы “против всех” над ее противниками значительно более весом (54% против 28%), нежели перевес ожидающих отрицательных последствий ее отмены над теми, кто считает, что положительных последствий будет больше (повторим, 36% против 26%). Поясним: вопрос о том, нужна ли такая графа, задавался респондентам раньше, чем их спрашивали о возможных последствиях ее упразднения. В первом случае участники опроса высказывались спонтанно, во втором – после попытки взвесить “за” и “против”. И оказывается, что те, кто затруднился оценить соотношение положительных и отрицательных последствий отмены этой графы, вначале значительно чаще высказывались за нее, чем против (табл. 1). Более того, среди пришедших к выводу о том, что ее отмена

Участники опроса склоняются к мнению, что отмена графы “против всех” принесет больше отрицательных последствий, чем положительных

Табл. 1

% от групп (по столбцам)

	Население в целом	Если говорить в целом, каких последствий от отмены графы "против всех" будет больше – положительных или отрицательных?		
		положительных	отрицательных	затрудняюсь ответить
Доли групп, %	100	26	36	38
Как Вы думаете, в избирательных бюллетенях нужна или не нужна графа "против всех"?				
Нужна	54	24	88	43
Не нужна	28	70	8	19
Затрудняюсь ответить	17	6	4	38

Табл. 2

% от групп (по столбцам)

	Население в целом	Скажите, пожалуйста, Вы лично участвуете в выборах всегда, часто, редко или никогда не участвуете в выборах?			
		всегда	часто	редко	никогда
Доли групп, %	100	41	19	25	13
Вы голосовали или не голосовали на каких-нибудь выборах против всех кандидатов или партий?					
Голосовал(-а)	31	27	43	44	7
Не голосовал(-а)	62	69	52	50	82
Затрудняюсь ответить	6	4	6	6	11

принесет больше пользы, нежели вреда, каждый четвертый ранее – без раздумий – говорил, что такая графа нужна. Это позволяет предположить, что пристрастие россиян к "кандидату против всех" до некоторой степени обусловлено силой привычки, и недовольство по поводу его ликвидации будет, по крайней мере, не столь сильным, как может показаться при беглом взгляде на результаты опроса.

Вероятно, не следует ожидать и обвального снижения явки. Надо иметь в виду, что наиболее "дисциплинированные" избиратели сравнительно редко голосовали "против всех". Такой электоральный выбор более свойствен избирателям, посещавшим выборы лишь время от времени (табл. 2).

Так или иначе, последствия отмены графы "против всех" будут, по-видимому, неоднозначными. В какой-то мере ее упразднение будет содействовать росту политической компетентности, ответственности, зрелости избирателей, в какой-то – снижению явки, разочарованию в выборах как таковых, росту политического отчуждения и протестных настроений. Вряд ли сейчас можно предсказать, какая тенденция окажется более значимой в долгосрочной перспективе. Но во многом это будет определяться тем, насколько конкурентным будет политический процесс в России в целом и в регионах, насколько широкий спектр альтернатив будут обнаруживать избиратели на политической арене. А это, в свою очередь, в значительной степени зависит уже от иных аспектов избирательного законодательства. И, разумеется, не только от него. ■